

ИНСТИТУТ КОРЕЛЬСКОГО КОРМЛЕНИЯ В НОВГОРОДСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация: Предлагаемая читательскому вниманию статья преследует цель исследования времени возникновения и прекращения института Корельского кормления в новгородскую эпоху, а также восстановления перечня корельских кормленщиков с 1270 по 1478 года. Детальный анализ опубликованных источников,

включая археологические и актовые данные, базирующийся на предшествующих исследованиях автора, позволяет внести существенные дополнения в историографию исследуемого вопроса.

Ключевые слова: Корела, кормление, Новгородская независимость.

Хорошо известно, что племя *корела* впервые упоминается в отечественных источниках в берестяной грамоте № 590¹. Грамота, лаконично упоминающая о военном нападении литовцев на корелян, вначале была неверно датирована 1191 годом, однако позднее было показано, что её следует датировать последней третью XI в., как находящуюся в соответствующем археологическом слое². Поскольку грамота № 590 была найдена у основания сожжённого сруба, дендрохронологически датированного 1066 годом, было предположено, что её информация может относиться к событиям 1069 г.³ В этом

году, 23 октября, Всеслав Брючиславич, князь Полоцкий [1044–1067, 1071–1101] и В.К. Киевский [1068–1069]⁴, в ходе ожесточённых междукняжеских усобиц пытался неудачно штурмовать Новгород. В войске Всеслава были наёмные литовцы, а также на его сторону встало финское племя *водь* (вожане), обитавшее в то время между рр. Нарвой и Невой. В то же время в этой же области обитала часть южных карел, которая в XIII в. получила наименование *ижоры*. Предполагается, что наёмные литовцы в ходе продвижения войска Всеслава к Новгороду имели какие-то столкновения с этой частью карел.

В отечественных летописях кореляне впервые упоминаются под 1143 годом, ког-

¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. Новгородская первая летопись. М.-Л., 1950. С. 50–51.

² Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода (Нутный раскоп). М., 1992. С. 81.

³ Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998. С. 265–266; Зализняк А.А. Древненовгородский

диалект. Второе издание, переработанное с учётом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 244.

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках при имени указываются сроки нахождения в должности.

да указывается их военное столкновение с *емью*. С 1149 г. летописи отмечают корелян как участвующих в боевых действиях на стороне новгородского войска. На этом основании допускалось, что корелы и новгородцы с середины XII в. состояли в военном союзе⁵. Летописью указывается, что под 1227 годом корелы были крещены Ярославом Всеволодовичем, князем Переяславль-Киевским [1200–1206], Переяславль-Залесским [1212–1238], Новгородским [1215, 1221–1223, 1226–1229, 1231–1236], В.К. Киевским [1236–1238, 1243–1246], В.К. Владимирским [1238–1246]. Это было сделано принудительно, чтобы предупредить крещение корел в католичество со стороны шведов⁶. Норвежский источник под 1251 годом впервые указывает, что корелы были новгородскими данниками⁷. Более точных данных о времени установления над корелами новгородского протектората не существует: в 1251 г. такой факт фиксируется как уже существующий, а не как только что установленный. Вместе с тем не следует сомневаться в том, что подчинённость корел Новгороду была во многом номинальной. Корелы платили Новгороду дань, участвовали в новгородских военных предприятиях, но сохраняли администра-

тивную самостоятельность. Это видно из того факта, что в двух договорах Новгорода с Ганзейским союзом в 1262/1263 и 1269 гг. Новгород отказывался брать ответственность за сохранность жизни и товара иностранных купцов, передвигающихся по территории корел⁸. Между мартом 1269 и мартом 1270 гг. ситуация изменилась. Летопись сообщает об этом весьма скупо. Под 1269 г. указывается, что Ярослав Ярославич, князь Новгородский [1255–1256, 1266–1267], Тверской [1247–1272], В.К. Владимирский [1263–1272] собрал войско для похода на корел, но был уговорен новгородцами не начинать войну. И уже под 1270 годом летопись сообщает, что администрация князя Ярослава была изгнана из Новгорода, причём для этого предприятия объединилась *вся волость Новгородская*, в составе которой были указаны псковичи, ладожане, корелы, ижора, вожане. Летописное сообщение под 1270 годом следует трактовать как официальное вхождение корел и их территории в состав Новгородской земли, т.е. утрату ими административной самостоятельности⁹.

Таким образом, с 1270 г. можно говорить не о вассалитете корел, а об их полном экономическом и политическом подчинении и о включении их территории в состав Новгородской земли. Племенная область корел включала к 1270-м гг. Ка-

⁵ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 121.

⁶ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 29.

⁷ Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. № 1. 1945. С. 114.

⁸ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 33.

⁹ Курпичников А.Н., Рябинин Е.А. 1) Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований) // Советская археология. № 3. 1982. С. 59–60; 2) Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе. VI–XV вв. Вып. 2. Л., 1990. С. 109–110.

рельский перешеек и Северо-Западное Приладожье (рис. 1), Юго-Восточную Финляндию (районы Саво и Лаппеэн-транта), Северную Приботнию¹⁰. Колонизационные потоки корел двигались также к северу, что зафиксировало историческое название западного беломорского побережья, от Кандалакшского залива до р. Кемь, — *Карельский берег*. Ижора, как указывалось, была одним из ответвлений корелы, поэтому племенную территорию последних можно увеличивать за счёт ижорских областей¹¹.

По всей видимости, после официально присоединения корел, в их среде имели место некоторые брожения, умело подогреваемые извне шведами. Так, согласно летописям, под 1277/1278 г. Дмитрий Александрович, князь Новгородский [1259–1266, 1272–1273, 1276–1281, 1283–1292], Переяславль-Залесский [1263–1294], В.К. Владимирский [1276–1281, 1283–1294], совокупив войска всех подвластных ему земель, разгромил как корел, так и всю их землю. Резонно допускается, что мятежные настроения среди корелян имели место вследствие утери ими независимости¹². Вместе с тем, вряд ли можно сомневаться в том, что несомненно имевшие место подобные настроения должны были всемерно поддерживаться шведами, конкурентами Новгорода за влияние над корелами. В 1282 г. шведы вторгаются по Неве в Ладожское озеро, доходя до Ладоги, и громят местные купеческие фактории, а в сентябре 1283 г. они повторили

ли этот же путь, объявив о собственном сюзеренитете над корелой¹³. Несмотря на то, что шведы были разбиты и отброшены, реальные военные действия Швеции и Новгорода только начинались. В 1293–1295 гг. шведы захватили три западных района корельской территории, погосты Саво (Саволак)¹⁴, Яаски¹⁵, Эюрпяя (Эйрепя)¹⁶, поставив для их контроля крепости Выборг и Кексгольм. Так началась 30-летняя шведско-новгородская война за корел и их земли. Война шла с переменным успехом и завершилась подписанием «вечного мира» 12.VIII.1323 г. Согласно условиям договора, территория корел была разделена: граница прошла по р. Сестре, откуда по прямой линии поднялась до оз. Сайма, от которого по прямой же линии была проведена до Ботнического залива (устья р. Пюхайоки). Выборг остался у Швеции¹⁷.

В ответ на разделение Карельского перешейка новгородцы укрепили свою часть — Северо-Западное Приладожье. Ещё в 1295 г. шведы захватили существовавшее здесь укрепленное поселение корел, основав на его месте вышеупомянутый Кексгольм, но в 1296 г. новгородцы отбили его обратно. В 1310 г. на месте

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Совр. область г. Савонлинна, Финляндия. Входила в состав Российской империи в 1714–1721 и 1743–1917 гг.

¹⁵ Совр. пгт. Лесогорский Выборгского района (до 1948 г. — Яаски). Входил в состав Швеции до 1743 г. В 1743–1918 и с 1940 г. входил в состав России (в 1918–1940 гг. принадлежал Финляндии).

¹⁶ Совр. пос. Барышево Выборгского района (до 1948 г. — Пааккола). Входил в состав Швеции до 1743 г. В 1743–1918 и с 1940 г. входил в состав России (в 1918–1940 гг. принадлежал Финляндии).

¹⁷ С 1710 г. — в составе России.

¹⁰ Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982. С. 75.

¹¹ Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 12.

¹² Там же. С. 35.

этого поселения новгородцы заложили крепость и город Корелу¹⁸, сделав последний административным центром Корельской земли. Собственно Корельская земля была включена в состав Водской пятины Новгородской земли и территориально разделена на Переднюю и Заднюю Корелу (рис. 2).

Передняя Корела состояла из трёх погостов: Воскресенского Городенского, Михайловского Сакульского, Васильевского Ровдужского. Задняя Кореля состояла из четырёх погостов: Богородицкого Кирьяжского, Никольского Сердобольского, Ильинского Иломанского, Воскресенского Соломенского. Передняя и Задняя Корелы управлялись непосредственно из г. Корела и составляли т.н. «корельские погосты». Непосредственно к этим погостам к западу от р. Волхов начиналась т.н. «Корельская половина» Водской пятины, погосты которой не контролировались г. Корелой (Никольский Пидебский, Иванский Переездский на Волхове, Петровский на Волхове, Антоновский на Волхове, Успенский Коломенский на Волхове, Андреевский Грузинский, Солецкий на Волхове, Григорьевский Кречневский, Заверяжье, Егорьевский Лужский, Дмитриевский Гдицкий, Ильинский Тигодский, Никольский с Городища, Михайловский на Волхове, Ильинский на Волхове, Пречистенский Городенский, Фёдоровский Песоцкий). При этом часть корельских земель вошла в погосты, тяготевшие к соседним

¹⁸ Совр. г. Приозерск. В 1580–1595 и 1611–1710 гг. Корела входила в состав Швеции под именем Кексгольма. В 1710–1920 (фактически до 1917 г.) гг. Кексгольм входил в состав Российской империи, в 1920–1940 гг. — Финляндии. С 1940 г. вошёл в состав СССР, в 1848 г. переименован в Приозёрск.

административным центрам, гг. Ладоге (Егорьевский Теребужский, Малая Лопца) и Орешку (Спасский Городенский, Ильинский Келтушский, Никольский Ижорский, Никольский Ярвосоольский, Воздвиженский Карбосельский, Ивановский Куйвошский, Егорьевский Лопский, Введенский Дудоровский). Деление это было чисто географическим¹⁹. Политическое значение среди всех «карельских» погостов Корельской и Ижорской земель имели только погосты Передней и Задней Корелы, поскольку они были пограничными землями и имели важное стратегическое значение.

В нашей работе нас интересуют именно последние территории. Целью нашей работы является восстановление перечня управителей «корельских погостов» и г. Корелы новгородского периода их истории.

В историографии вопроса автоматически полагается, что г. Корела был резиденцией «корельского наместника», назначаемого из Новгорода. Вместе с тем это вряд ли можно признать верным. В действительности, Корельское наместничество было создано только после присоединения Новгородской земли к Москве. Так, в 1478 г. был образован Новгородский уезд, но отдельный Корельский уезд был выделен из его состава в 1500 г.; первым московским корельским наместником стал князь Иван Иванович *Брюхо* Пужбольский-Ростовский [1500/1501 — до 1505]²⁰. Отсутствие специальных ко-

¹⁹ Подробнее о делении на погосты см.: *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 58–59, 118–134.

²⁰ *Жуков А.Ю.* Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны

рельских наместников в 1478–1500 гг. может говорить о том, что общее управление Корельской землей осуществлял новгородский наместник. Мнение о существовании «корельского наместничества» до 1478 г., т.е. в новгородскую эпоху, является не вполне корректным переносом реалий 1500 года на более ранний исторический период. До 1478 г. в «карельских» погостах существовал стабильный институт *владычного наместника*, т.е. представителя Новгородской архиепископии; под прямым контролем архиепископа и его наместника находились земли вдоль всей шведско-новгородской границы вплоть до Лиексы и хребта Суомиселькя на севере, а равно вдоль восточной границы Корельской земли, от Салми до Суоярви²¹. В Задней Кореле были, кроме того, выделены волости для *кормления* служилых князей, приглашаемых Новгородом. Эти земли тянулись по ладожскому побережью от района Ките (совр. Финляндия), Лахденпохьи и Лиексы на западе через Сортавалу до Питкяранты, Салми и Суоярви на востоке²². Сюда приходили князья на кормление, и либо они, либо их наместники имели резиденцию в г. Кореле; там же находилась резиденция и владычного наместника²³. По мнению А.Ю. Жу-

в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 10–12.

²¹ Жуков А.Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство (XIII–XVII вв.) // Труды Карельского научного центра РАН. № 2. 2009. С. 104.

²² Жуков А.Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии. С. 105.

²³ Жуков А.Ю. 1) Традиционное природопользование в приграничной Карелии. С. 105; 2) Наместники Корельской земли (XIV–XV вв.) // История и культурное наследие Северного

кова, владычный наместник контролировал деятельность князей-кормленщиков и их наместников. Однако это мнение представляется не вполне обоснованным.

Дело в том, что число князей-кормленщиков в Кореле было очень немногим, и «кормились» они очень недолго. Первым в числе таких князей известен некто Борис Константинович. О его деятельности можно составить впечатление только на основании сохранившейся жалобы новгородцев 1304/1305 гг. Михаилу Ярославичу, кн. Тверскому [1282–1318], В.К. Владимирскому [1305–1318]²⁴. О Борисе Константиновиче сказано, что «он Корелу всю истерял и за немце загонил». Новгородцы призвали Великого Князя отозвать Бориса, судить его, и уведомили об изъятии его земель, как данных в кормление, так и лично им купленных (за последние они давали выкуп). Не следует, как то иногда делается в литературе, полагать, будто бы Борис, купив себе корельские земли, попытался стать удельным князем, за что был изгнан. Контекст жалобы прозрачен: Борис «истерял» Корелу, захваченную «немцами», что создало серьёзную угрозу Новгороду. Как верно указывал В.Л. Янин, подобное могло произойти только в 1300 г., когда шведский десант захватил устье Охты, поставив здесь крепость Ландскрону, уничтоженную новгородцами спустя год²⁵. Кем был «Борис Константинович» в историографии до сих пор не выяснено. Допускается лишь,

Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы II междун. конф. Петрозаводск, 2007. С. 55–58.

²⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.-Л., 1949. № 8. С. 18–19.

²⁵ Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 154.

что поскольку он был назначен перехватившим Великое Княжение Владимирское Тверским княжеским домом, то из этого дома он и происходил. Однако ни один источник, кроме упомянутой новгородской жалобы, его не упоминает, поэтому нельзя даже гипотетически предположить его место в генеалогической схеме Тверского дома. Собственно говоря, даже отнесение его к Тверскому дому является даже не гипотезой, но лишь осторожным предположением. Можно уверенно говорить, что если бы история не сохранила указанной новгородской жалобы, имя этого князя-кормленщика навсегда осталось бы неизвестным.

Уже на рассмотренном примере можно полагать, что если за 35 лет, прошедших с момента включения Корельской земли в состав Новгорода, ни один источник не упомянул имени никакого из предполагаемых корельских наместников, значит, управление корелами было сугубо внутринновгородским делом, не требовавшим вмешательства извне. Фактически кормление того или иного князя в Кореле было почётной синекурой, а сам этот князь не играл существенной роли в новгородских делах, а равно и в корельской истории. Последующее лишь подтверждает наши выводы. После отстранения Бориса Константиновича источники не сообщают ни о каких специально приглашаемых «корельских наместниках», пока Гедимин, В.К. Литовский [1316–1341], в 1331 г. не вынудил Новгород принять князем-кормленщиком его сына. Вместе с тем, Новгород не сделал Наримунта Гедиминовича собственно новгородским князем, лишь дав ему в кормление Ладогу, Орешек, Корелу со всей Корельской землёй и поло-

вину Копорья; причём эта дача была произведена «в отчину и дедину» потомкам его. Наримунт прибыл лично в 1333 г. и сидел на кормлении до 1335 г. Затем он отбыл в Полоцк и уже не возвратился. В данных ему новгородских землях остался на кормлении его сын — Александр Наримунтович (его резиденция находилась в г. Орешек), которого отец отозвал в 1338 г.

После «литовской пятилетки» источники вновь молчат о каких-то особых «корельских наместниках», пока не даёт о себе знать ещё один сын Наримунта Гедиминовича. Как сообщают летописи, Патрикей Наримунтович в 1383 г. получил в кормление часть тех земель, что были некогда у его отца: гг. Орешек и Корелу, половину г. Копорья, с. Лужское; причём особо оговаривается, что он получил их не «в отчину и дедину», а в кормление²⁶. Однако уже в 1384 г. горожане Орешка и Корелы приехали в Новгород с какими-то жалобами на Патрикея. Тот «возмутил» Славенский конец, тогда как вся Софийская сторона в составе трёх концов выступила против литовского князя. До боестолкновений не дошло, т.к. было решено отнять у Патрикея его кормления, а дать вместо них гг. Ладогу, Старую Руссу и Нарвский берег²⁷. В 1388 г. новгородцы забрали у Патрикея Ладогу и Старую Руссу и посадили там кормленщиком литовского князя Лугвения (Семёна) Ольгердовича²⁸, которого вскоре поставили новгородским князем [1389–1392, 1407–1411]. Видимо, поскольку он стал новгородским

²⁶ Новгородская первая летопись. М.-Л., 1950. С. 379.

²⁷ Там же.; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 339–341.

²⁸ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 52.

князем, к его кормлению были вновь приданы Орешек и Корела. В 1404 г. 13 городов (Старая Русса, Ладога, Орешек, Тиверск, Корела, Копорье, Торжок, Волок Ламский, Порхов, Вышгород, Ям, Высокое, Кошкин городец) были отданы Новгородом в кормление изгнанному Юрию Святославичу, В.К. Смоленскому [1386–1392, 1401–1404]²⁹, где он сидел до 1406 г., перейдя затем на московскую службу. В 1407–1411 гг. прежние земли, включая Корелу, вновь получал в кормление Лугвений (Семён) Ольгердович. В 1420–1421 гг. земли, с которых кормился Лугвений, были даны в кормление взбунтовавшемуся против Москвы представителю Московского же княжеского дома, Константину Дмитриевичу³⁰. В 1432–1440 гг. новгородским князем был Юрий Лугвеневиич, которому в кормление вновь были даны те же земли, включая Корелу. В 1444–1445 гг. эти же земли, включая Корелу, имел в кормлении Иван Владимирович, кн. Бельский [1420–1435, 1440–1444, 1445–1450]³¹. В 1459 г. Юрий Лугвеневиич вновь получил те же земли, включая Корелу, в кормление, но сразу уехал в Литву, из-за недовольства Москвы³².

Таким образом, за 208 лет пребывания в составе Новгорода, Корельская земля находилась в кормлении у приглашённых князей около 26 лет (без учёта времени кормления Бориса Константиновича, о начальном сроке которого неизвестно). Тем самым, всерьёз рассматривать этих князей и их административный аппарат

в качестве управителей в Кореле нельзя. Следует понимать, что всё это время Корельская земля, как до закладки крепости Корела в 1310 г., так и после, находилась под постоянным управлением из Новгорода. Местная администрация вряд ли теряла свои властные функции и в периоды княжеских кормлений, ибо они были весьма кратковременны, и ни один из князей не собирался вникать в суть местных дел, лишь получая свой временный доход. Таким образом, нам следует определить глав новгородской администрации в Кореле за весь период её новгородской эпохи, что представляется целиком реальным.

Важно увидеть, что Новгород отнюдь не поставил властвовать над Корельской землёй людей случайных. Об этом свидетельствует шведская «Хроника Эрика», составленная в 1320-х гг. Здесь рассказывается о походе шведов на корелу, постройке Кексгольма, возвращении сюда новгородцев и избиении шведов³³. После этого указывается: «*Так вот русские крепость ту взяли. Сами её с той поры укрепляли, ставили в крепости мудрых людей, чтоб христиан* (шведов-католиков — В.Т.) *рядом не было с ней*»; обычно стихотворные строки дублируются прозой следующим образом: «...*И посадили там добрых и мудрых мужей, чтобы христиане не смогли приблизиться к этому месту*»³⁴. В этих строках надо увидеть констатацию того факта, что Новгород поручил управлять крепостью Корелой не просто обычным сборщикам налогов, но лицам, владеющим военным искусством, основной обязанностью которых явля-

²⁹ Новгородская первая летопись. С. 398.

³⁰ Там же. С. 411–412.

³¹ Новгородская первая летопись. С. 423.

³² Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 56.

³³ Хроника Эрика / Сост., отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Стб 1348–1381.

³⁴ Там же. Стб. 1382–1385.

лась защита северной шведско-новгородской границы. Разумеется, можно думать, что за 208 лет во главе администрации Корельской земли могли меняться самые разные лица, безликие воеводы. Однако, на наш взгляд, должность постоянного «корельского кормленщика» (назовём её условно именно так) в силу своей *политической важности* (как защитника границы) не носила чисто «технического характера», а должна была входить в сферу интересов крупнейшего новгородского боярства. Исходя из этого, надо обратить внимание на известный факт, что *кормления* были в новгородской истории специальными должностями для младших ветвей местных боярских родов: боярская семья новгородского Людина конца имела в XIV в. наследственное кормление в Пошелонье, семья из Славенского конца в XIV в. — в Двинской земле³⁵.

Вопрос о том, какой боярской семье было поручено Корельское кормление, археологически был решён давно. На новгородском Неревском раскопе (Неревский конец) был выявлен комплекс берестяных грамот, свидетельствующий о том, что обитавшая здесь боярская семья была корельскими кормленщиками³⁶. Речь идёт о боярском роде Неревского конца, названным В.Л.Яниным «Мишинича-

ми-Онцифоровичами», а именно о боярской «усадьбе Е», где обитали отец и сын Максим Онцифорович и Сидор Максимович. Датировка грамот и, следовательно, датировка участия указанных лиц в корельском кормлении следующая: после 1350/1351 г., но не позднее 1360-х гг. Эта датировка проистекает из того, что тем же комплексом берестяных грамот определён предыдущий перед боярином Максимом владелец корельского кормления: боярин Семён, проживавший на той же «усадьбе Е», принадлежащий к неревскому боярскому роду. Боярин Семён держал корельское кормление около 1350/1351 г., а затем и его должность и его усадьба переходят к боярину Максиму.

Как хорошо известно, род Мишиничей-Онцифоровичей новгородского Неревского конца идёт от двух братьев — Михаила Мишинича (р. до 1220-х гг. — ум. 1280), новгородского посадника [окт. — нояб. 1272, 1273–1280], и Юрия Мишинича (ум. 1316), новгородского посадника [1291–1292, 1304–1305]. Потомство Михаила неизвестно и, как покажет наше дальнейшее изложение, мужских потомков Михаил в принципе не имел. У Юрия известен сын — Варфоломей Юрьевич (р. ок. 1280 — ум. 1342), новгородский посадник [1323–1324, 1326–1327, 1331–1332]. Варфоломей имел четверых сыновей. Двое старших — Матфей Варфоломеевич (ум. после 1346), новгородский посадник [1333–1334, 1345–1346], и Иван Варфоломеевич — продолжили род собственно Мишиничей. О младшем брате — Марке — неизвестно ничего: источники не сообщают ни о нём, ни о его возможных потомках. Средний брат — Лука Варфоломеевич (ум. зимой 1342/1343)

³⁵ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 278.

³⁶ Янин В.Л. 1) Новгородская феодальная вотчина. С. 278; 2) Я послал тебе бересту. С. 56–59; Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 59–60, 70–71; Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 77–94.

продолжил род, основав ветку Онцифоровичей. Нами была детально исследована генеалогия рода Мишиничей-Онцифоровичей XIII–XV вв., а равно их предков X–XIII вв. и части потомков после XV в.³⁷

Боярин Лука Варфоломеевич был незаурядной и весьма деятельной фигурой своего времени. Не надеясь, по старшинству рождения, на замещение ведущих новгородских должностей (посадника и тысяцкого), он целиком посвятил себя одной из древнейших профессий своего рода — военному делу. Он был внучатым племянником четверых братьев Прокшиничей, служивших воеводами, Ядрея (ум. 1193), Рагуила (ум. 1200), Алексея (ум. 1200), Нездилы (ум. после 1230)³⁸. Из них Нездила Прокшинич возглавлял отряд профессиональных воинов, являвшихся прообразом позднейшего военного спецназа. Профессия двоюродного дяди Нездилы — Василия Богуславича (ум. 1171), ставшего прототипом былинского «Василия Буслаева», была идентичной профессии племянника³⁹. В наших работах показаны и иные идентичные примеры. Условный «военный спецназ» ранненовгородского времени можно, вслед за летописью, именовать «пехциничами/пъхичиничами/пешцами» и считать

предтечей новгородского движения ушкуйников⁴⁰. Начало ушкуйничества летопись относит к 1320 году, причём первым подобным походом в этом ряду назван набег на Норвегию, возглавленный боярином Лукой Варфоломеевичем⁴¹. Таким образом, боярин Лука был одним из основателей новгородского ушкуйничества. В 1320–30-х гг. Лука осуществлял непрерывные военные походы в Двинскую (будущую Архангелогородскую) землю, что привело к её окончательной колонизации и закреплению за Новгородом. В одном из таких походов зимой 1342/1343 гг. Лука погиб. Военские подразделения Луки были унаследованы его старшим сыном, Онцифором Лукиничем (ум. 1367), новгородским посадником [1350–1354]. Именно с помощью этих отрядов Онцифор осуществил в 1350 г. переворот, захватив посадничий пост, но затем, проведя ряд внутренних реформ, добровольно удалился на покой.

Старший сын Онцифора также добился впоследствии посадничьей должности, а трое младших сыновей участвовали в новгородской политической жизни на второстепенных ролях. Максим Онцифорович (р. до 1340 — ум. после 1392) был сотским; поскольку в списке сотских его имя стояло на первом месте, можно допустить, что он возглавлял всех новгородских сотских, т.е. осуществлял общее руководство над купечеством⁴². Летопись упоминала его членом посольства к общерусскому митрополиту в 1376 г. Он

³⁷ Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

³⁸ Таланин В.И. 1) Древнерусская доваряжская аристократия. С. 54–55; 2) Русская и русско-венгерская знать X–XV вв.: историко-генеалогическое исследование. Запорожье, 2016. С. 58–59; 3) К истокам русского военного спецназа // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-исторический журнал. № 3 (8). 2016. С. 126.

³⁹ Таланин В.И. Русская и русско-венгерская знать. С. 196–200.

⁴⁰ Таланин В.И. К истокам русского военного спецназа. С. 126–127.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1 С. 258.

⁴² Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 28–29.

был жив ещё в 1392 г., поскольку наряду с братом Юрием был поименован в списке строителей Колмова монастыря (1392 г.). В одной из берестяных грамот Неревского раскопа был указан хронологический ориентир — дата замирения после очередного шведско-новгородского военного столкновения — на условиях договора 1323 г. А.А. Медынцева показала, что из двух дат военных столкновений Новгорода со Швецией после 1323 года — 1339 и 1351 гг. — указанная берестяная грамота соответствует последней дате, и постулировала, что около этой даты, т.е. не позднее 1351/1352 гг. Корельское кормление перешло от боярина Семёна к боярину Максиму⁴³. По нашему мнению, А.А. Медынцева права. Её датировка может быть подкреплена тем наблюдением, что Онцифор Лукинич пришёл к власти именно вследствие переворота, не имея прав на посадничий пост. Поэтому, находясь у власти, он не мог не обеспечить свою семью дополнительными источниками дохода, связанными с государственными должностями. По всей видимости, будучи посадником, Онцифор отобрал у своих же родственников (см. ниже) Корельское кормление, обменяв его на какое-то количество земель в Задвинье и Заонежье⁴⁴.

Максим Онцифорович самоустранился от корельских дел ещё при своей жизни, поскольку берестяные грамоты 8-го яруса (1369–1382 гг.) Неревского раскопа уже фиксируют распорядителем корельских дел Сидора Миксимовича. В письменных

документах Сидор не прослеживается, но его деятельность надёжно реконструируется в цитированных нами работах на основании берестяных грамот. Помимо Корельского кормления, Сидор был уличанским старостой, вхожим к новгородскому архиепископу. В Корельской земле Сидор выступал как крупный ростовщик, скупая пушнину и рыбу, и ссужая охотников и рыбаков. Кроме этого, он собирал дань с корел (посредством специальных должностных лиц — тиунов), ему принадлежали судебные и таможенные права в Корельской земле. Также именно корельскому кормленщику принадлежала функция организатора военных мероприятий на подведомственной земле. Последнее усматривается из того, что одна из берестяных грамот (№ 248), найденная на Неревском раскопе, просила от лица корельского рода Вымолчи помощи от немецких набегов. Эта грамота сопоставляется исследователями с летописными событиями 1396 г., когда шведы вторгались в пределы Кирьяжского и Кюлолакшского погостов, но были изгнаны служившим в Новгороде князем Константином Ивановичем Белозёрским вместе с корельским ополчением⁴⁵. Время завершения Сидором Максимовичем своих функций точно неизвестно. Так, грамота № 249 из 6-го яруса (1396–1409 гг.) Неревского раскопа написана тем же почерком, что и грамота № 248; грамота № 130 из того же яруса написана от имени того же тиуна, который отчитывался перед Сидором ещё в грамотах 8-го яруса⁴⁶. Следо-

⁴³ Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот. С. 71.

⁴⁴ Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 131–132.

⁴⁵ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 84–86, 93–94.

⁴⁶ Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот. С. 64.

вательно, деятельность Сидора завершается самое позднее в начале 1400-х гг.

Владение Максимом Онцифоровичем и Сидором Максимовичем корельским кормлением является давно решённым в историографии вопросом. Вместе с тем никто никогда не писал о том, кто наследовал эту должность у боярина Сидора. При этом можно быть уверенными в том, что должность корельского кормленщика в неревском боярском роду продолжала носить наследственный характер. Во-первых, все подобные должности в новгородскую эпоху носили такой характер: вышеозначенная боярская семья из Людина конца владела наследственным кормлением в Пошелонье как минимум со второй половины XI до середины XIV вв.⁴⁷ Во-вторых, ещё одна «корельская» грамота № 243 из 4-го яруса (1422–1429 гг.) Неревского раскопа является письмом тиуна (ключника?) своему новгородскому господину о переселении в одну из его корельских деревень крестьянина-новопоселенца⁴⁸. Наличие этой грамоты свидетельствует, что никаких перемен в принадлежности института корельского кормления не произошло: он сохранился в неревском боярском роду. Наше вышецитированное исследование впервые позволило установить непрерывную цепочку корельских кормленщиков вплоть до 1478 г.

Никакие, даже чисто гипотетические потомки Сидора неизвестны. Это означает, что наследственная должность должна была по пресечении одной из мужских

⁴⁷ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. С. 278.

⁴⁸ Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. соч. С. 87.

веток рода перейти в соседнюю ветку. О соседней ветке — Афанасия Онцифоровича — ничего неизвестно. О существовании самого Афанасия стало известно лишь после находки принадлежавшей ему костяной печати и однократного упоминания в берестяной грамоте 8-го яруса раскопа. Таким образом, наследственное корельское кормление перешло в ветку младшего из братьев — Лукьяна Онцифоровича, о котором летопись сообщает под 1421 годом, как об окончившем ремонт церкви Спаса на ул. Разваже⁴⁹. Старшим наследником боярина Лукьяна стал его сын — Леонтий Лукьянович (р. до 1390/1400-х гг.), по имени которого его двинские владения получили наименование «Леонтьева стана» (в районе совр. г. Архангельска). У Леонтия было пятеро сыновей, все из которых должны были родиться не ранее 1420-х и не позднее 1430-х гг.: Лукьян (ум. после 1499/1500), Исак (ум. после 1499/1500), Никита (ум. после 1487), Иван и Андрон (упом. в 1450-х гг.). Двое последних выявлены только в актовом материале Двинской земли: они были местными помещиками, не участвовавшими во внутриновгородском политикуме. В 1480-х гг. они и их потомки были, как и все жившие помещиками в Двинской земле представители новгородского боярства, перечислены в сословную категорию черносошных крестьян. Боярин Никита Леонтьевич был зафиксирован источниками в последний раз в марте 1487 г. в должности купеческого старосты, подписывавший последний в отечественной истории русско-ганзейский торговый договор. Факт того, что староновгород-

⁴⁹ Подробнее об этом см.: Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 30–44.

ский боярин не был сведён из Новгорода московской администрацией и даже удержался на значимой должности, был очень важным. После масштабных чисток в начале 1480-х гг. и выселения из Новгородской земли почти всего наличного состава местного боярства, оставление кого-либо не только в самом Новгороде, но и в действующей должности означало доверие к нему со стороны столь подозрительного Государя, каким был В.К. Иоанн III. Наше исследование показало, что несведёнными из Новгорода остались и двое старших братьев боярина Никиты, которые и являлись последними в новгородской истории корельскими кормленщиками. Весьма любопытно, что оба брата упоминались в источниках совместно, каковой факт позволяет допускать совместное отправление ими функций корельских кормленщиков.

Очень важным моментом стало выявление земельных владений обоих братьев Леонтьевичей. Они выявляются по материалам писцового описания Водской пятины 1499/1500 г., в ходе которого большинство земель обоих братьев были у них изъяты (стандартная практика для всех старон Новгородских бояр со стороны московской администрации). При ознакомлении с перечнем владений братьев нужно понимать, что они могли и даже должны были иметь иные владения в иных местах Новгородской земли (в особенности в Двинской земле, где массив владений Онцифоровичей сложился ещё к середине XIV в.). Итак, в Корельской земле и некоторых окрестных, тоже корельских территориях, последние корельские кормленщики владели следующими землями:

1) В Колтушском погосте Водской пятины «*деревни Лукинские Левонтьева*», отданные князьям Мышецким: 3 деревни⁵⁰ — 5 обеж + 80 копен.

2) В г. Корела на Спасском острове двор «*Исаковской Левонтьева*» отдан москвичам детям боярским Андрею Никитину Пушкину и Осташу Дементьеву Редрову⁵¹. В числе «*мест пустых внутри города своеземцов корельских дворовых*» названо место «*Исаковское Левонтьева*», отданное Осташу Редрову; также пустое место «*Лукинское Левонтьева*», никому не отданное⁵².

3) В Воскресенском Городенском погосте в Задней Кореле «*деревни Исаковские Левонтьева*», отданные Корельскому наместничеству: 3 деревни (одна «*на Кумбе озере на немецком рубеже*» — 4 обжи⁵³).

4) В Михайловском Сакульском погосте в Передней Кореле «*волостка Лукинская Левонтьева у озера Кирына*», отдана Бориске Барыкову: 5 деревень — 9 обеж + 160 копен, «*с двух обеж доходу не шло, пахал Лука на себя*»⁵⁴. Указано наличие «*большого двора*», т.е. господского. Волость названа боярщиной.

5) Строго по соседству с братом в том же погосте «*волостка Кимерва Исаковская Левонтьева*», отдана Бориску Бары-

⁵⁰ Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11 .М., 1851. С. 236–237.

⁵¹ Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852. С. 4.

⁵² Там же. С. 7.

⁵³ Там же. С. 9–10.

⁵⁴ Там же. С. 41–42.

кову: 2 деревни — 5 обож, «*две обжи пахал Исак на себя, дохода с них не шло*»⁵⁵. Волость названа боярщиной.

б) В Васильевском Ровдужском погосте в Передней Кореле «*волостка Лукинская Левонтьева, да Петровская Есипова Кречатникова, да Исаковская волостка Левонтьевская ж*», отдана Осташу Дементьеву Редрову: а) у Луки Леонтьевича 31 деревня — 44 обжи + 1200 копен, «*большой*» господский двор⁵⁶; б) у Исака Леонтьевича 6 деревень — ок. 7,5 обож + 165 копен⁵⁷. Все три владения (включая Кречатниковское) названы «боярщинками».

Подсчёт земельных владений братьев Леонтьевичей показывает, что они занимали около трети от всего боярского землевладения в Корельской земле к 1478 году. Надо думать, что эти владения принадлежали ветви Онцифоровичей как минимум с середины XIV в., т.е. с момента занятия последними их корельской должности. Характерно, что дважды наличие господского двора указывается только для Лукьяна Леонтьевича, что говорит о его старшинстве. Также это может свидетельствовать в пользу того, что официальным корельским кормленщиком был только он, а брат, как местный землевладелец, был его неофициальным помощником и советником⁵⁸. Вместе с тем строго на новгородско-шведской границе находились земельные владения Исака Леонтьевича.

⁵⁵ Там же. С. 42–43.

⁵⁶ Там же. С. 90–98.

⁵⁷ Там же. С. 98–99.

⁵⁸ Ориентировочной даты его вступления в должность не сохранилось. Впервые в новгородском актовом материале он упоминается на рубеже 1460/70-х гг.: это говорит о том, что он стал корельским кормленщиком не позднее 1460-х гг.

Нахождение земельных владений наследственных корельских кормленщиков на государственной границе того времени было весьма интересным примером ответственности тогдашних чиновников за свою деятельность. В случае вражеского нападения подобные владения первыми подвергались бы разорению, каковой факт стимулировал их владельца защищать границу не только на собственном участке, но и в целом по её протяжению, как собственную землю.

Как отмечалось, Лукьян и Исак также остались в Новгороде вместе с братом Никитой, оказавшись в числе очень небольшого числа староновгородских бояр, которым было разрешено остаться. Это видно из выражений новгородских писцовых книг «*старого дохода не было*», «*пахал на себя*», которые означали, что в момент составления писцовой книги земли, которые «*пахали сами*» или с которых «*не шло дохода*» по-прежнему принадлежали старым, несведённым владельцам⁵⁹. То есть, на момент составления писцовой книги 1499/1500 г. братья Леонтьевичи оставались землевладельцами: из прежних владений им осталось по две обжи на человека. Дополнительное подтверждение этому видно в том, что городской двор Луки не был изъят: писцовая книга, хотя и говорит об его «*пустоте*», но указывает его юридическую принадлежность. Как видно из писцовых материалов, после 1500 года братья Леонтьевичи были понижены в своём статусе: с боярского до своеземческого. Понятие «*корельские дворовые своеземцы*» (они же «*корельские дети*») было тождественно московскому поня-

⁵⁹ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 3. М., 2006. С. 17.

тию «*дети боярские*» и означало мелкую и среднюю служилую знать, позднейшее дворянство, стоящее в официальной иерархии сразу после боярства⁶⁰. Следует подчеркнуть, что такая участь постигла абсолютно всех староновгородских бояр, которые не были выселены из Новгорода в ходе репрессий 1480/90-х гг. Их оставили вотчинниками, резко урезав их земельные владения и обязав нести отныне военную Государеву службу, как делала и московская знать, но уравнили в правах не с московским боярством, а с московским дворянством.

Можно допустить также следующее. Поскольку только в ходе писцового описания 1499/1500 г. оставленные в Новгороде прежние бояре были переведены в категорию своеземцев, то в период 1478–1500 гг. они продолжали числиться в боярстве. На этом основании можно полагать, что коль скоро в период массовых репрессий староновгородской знати оба последних корельских кормленщика оставались нетронутыми, власть нуждалась не столько лично в них, сколько в их услугах профессионального характера. Московские наместники Новгорода вплоть до 1500 г. занимались прежде всего репрессиями. Новые землевладельцы только-только размещались на новых местах и привыка-

ли к обстановке. О чём говорит тот факт, что два крупных чиновника, управлявших самой опасной в стратегическом отношении русско-шведской пограничной зоной, не были репрессированы? Видимо о том, что они продолжали отправлять свои прежние функции по управлению Корельской землёй. Это подтверждается тем фактом, что особый Корельский уезд был создан только в 1500 г. Следовательно, в 1478–1500 гг. Корельская земля формально управлялась московскими новгородскими наместниками, которые были правителями корел лишь номинально, во всём опираясь на Лукьяна и Исака Леонтьевичей.

В рамки настоящей статьи не входит исследование причин, по которым часть неревского боярского рода (Онцифоровичи) не были репрессированы, в то время как основная часть рода (Мишиничи) были репрессированы поголовно. Равно в наши задачи не входит исследование их судеб после 1500 года. Следует лишь указать, что первое в общих чертах, а второе детально уже было предпринято нами в ранее цитированных работах. Кратко нужно указать на то, что в середине XVI в. все новгородские своеземцы были ещё раз реформированы: государство полностью забрало все их земли, лишив их вотчинных прав, но сразу же вернуло эти земли им же на поместных правах исключительно за военную службу. На этом основании понятие «своеземцы» было упразднено и введено новое понятие — «земцы»; точной даты этой реформы неизвестно, но в писцовой книге 1568 года описаны только земцы, т.е. реформа состоялась до этой даты⁶¹.

⁶⁰ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 123 и сл.; С. 97 и сл.; Кирпичников А.Н., Сапков В.М. Крепость Орешек. Л., 1979. С. 50; Кулишер И. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004. С. 503; Жуков А.Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии. С. 105; Чибисов Б.И. «Дети корельские» в контексте этнической истории Северо-Западного Приладожья XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (68). 2017. С. 23–24.

⁶¹ Жуков А.Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии. С. 105.

Внук последнего корельского кормленщика (Лукьян Леонтьевич (р. 1510/20-е гг. — ум. 1587/1600) и его братья не перешли в категорию земцев, видимо не пожелав нести военную повинность. Между 1571–1577 гг. Лукьян Леонтьевич, его брат и сын фигурируют в списках новгородских целовальников, являясь крупными купцами, занимавшимися торговлей шёлком, производством дорогих ферязей и ормяков, а также ростовщичеством. Между 1577 и 1579 гг. Лукьян Леонтьевич, двое его братьев и их дети переселяются в Нижний Новгород, где становятся в 1579/1580 г. основателями Нижегородского Сошествия Святого Духа монастыря и села Богородского (совр. г. Богородск Нижегород. обл.). Их прямыми потомками становятся местные фамилии Третьяковых, Поповых, Таланиных, Пономарёвых, Проскуряковых/Проскурниковых.

Возвращаясь назад в XIV-й век, следует указать на то, что наше исследование позволило также восстановить генеалогию той боковой ветки неревского боярского рода, у которой в 1351/1352 гг. Онцифоровичи приобрели Корельское кормление⁶². Эта ветка была названа нами Григорьевичами (по имени её основателя), а весь род неревских бояр в XIII–XV вв. мы, опираясь на введённую В.Л.Яниным терминологию, предложили именовать Мишиничами-Онцифоровичами-Григорьевичами. Рассматриваемая ветка рода была основана боярином Григорием Малышевичем (р. до 1180-х гг. — ум. после 1205). Эту ветку нам, к сожалению, не удалось восстановить в полном объёме: остаются

неизвестными не только все ответвления этой ветки, но и основная её линия в первой половине XIII в. Следующим представителем ветки Григорьевичей, которого можно считать первым корельским кормленщиком среди её членов, был боярин Григорий, владелец «усадыбы Е», чьё берестяное письмо с просьбой к матери прислать ему 30 гривен серебра (очень солидная сумма) было найдено в 13-м ярусе (1268–1281 гг.) Неревского раскопа. Следующим корельским кормленщиком нужно полагать боярина Григория, упомянутого летописью одним из послдов в Литву под 1333 годом. Это посольство отправлялось за Наримунтом Гедиминовичем, и, судя по всему, за приглашаемым в Корельскую землю князем ехал именно тот новгородский чиновник, который этой землёй и управлял. К сожалению, не удалось установить, в каком родстве состоял Григорий 1333 года с Григорием 1270-х гг., однако логичнее всего видеть в них отца и сына. Боярина Семёна 1350/1352 гг. — последнего корельского кормленщика из ветки Григорьевичей — логичнее всего рассматривать в качестве сына Григория 1333 года, однако достоверно этого не установлено. Как указывалось, Семён не позднее 1352 г. передал все свои новгородские должности (но не земельные владения в самом Новгороде) ветви Онцифоровичей. Семён больше в источниках не упоминается, но актовый материал фиксирует в 1375 г. его сына, Григория Семёновича, названного «чёлмужским боярином» (совр. д. Чёлмужи Медвежьегорского района Карелии). Боярин Григорий вместе с двумя братьями Онцифоровичами был назван в качестве строителя Колмова монастыря (1392 г.). Ветка Григорье-

⁶² Подробнее см. об этом: *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 127–145.

вичей полностью перестала участвовать в новгородской политической жизни, став крупными землевладельцами в Двинской земле. После 1478 года все её представители были перечислены в сословную категорию черносошного крестьянства с сохранением за ними всей недвижимости. С XVI в. их потомками стали архангелогородские роды Амосовых, Молодых Бояр, Лентьевых, Кологривовых и обонежский (чёлмужский) род Ключарёвых; почти все эти роды, как и все ранее указанные нижегородские потомки Онцифоровичей, существуют до настоящего времени.

В рамках настоящей статьи представляется возможным определить самого первого корельского кормленщика из неревского боярского рода, что не было сделано в наших предыдущих работах. Так, известно, что древнейшая из всех «корельских грамот» берестяная грамота № 292, написанная на языке корел, была найдена на «усадыбе Е» в 14-м ярусе (1238–1268 гг.) Неревского раскопа⁶³. В 13-м и 12-м (1281–1292 гг.) ярусах раскопа той же усадьбы найдена карельского типа фибула (застёжка)⁶⁴. При этом, археологические находки ряда корельских украшений на новгородском Троицком раскопе свидетельствуют, что до 1207 г. тесные связи с корелами поддерживал боярский род из новгородского Людина конца⁶⁵.

Здесь необходимо понимать, что с 1130-х гг. в Новгороде шла ожесточённая политическая борьба, перипетии кото-

рой уже рассматривались нами⁶⁶. С конца X в. вплоть до первой трети XII в. власть в Новгороде с незначительными перерывами принадлежала неревскому боярскому роду. С 1090-х гг. к власти пыталось прорываться боярство Людина конца, которым в ходе нескольких переворотов 1130-х гг. удаётся свергнуть всевластие неревлян. В дальнейшем борьба шла по нарастающей: если в 1140-х гг. людинское боярство, побеждая неревлян, заключало их в тюрьму, то в ходе переворотов 1167 и 1186 гг. свергнутые посадники-неревляне и ряд их родственников истреблялись физически. После переворота 1186 г. вплоть до 1272 г. неревское боярство сумело получить высшие должностные посты — посадника (в 1215–1216 гг.) и тысяцкого (в 1228–1229 гг.) лишь дважды по одному году. При этом борьба продолжалась, и в начале XIII в. она была не менее ожесточённой, нежели в предыдущем веке. В начале 1207 г. по приказу посадника-людинца был бессудно убит один из неревских бояр. Последние сумели организовать в конце того же года восстание против людинцев, свергнув их, но власть перехватили бояре Прусской улицы. В ходе переворотов 1167 и 1186 гг., а также после убийства главы неревского боярского клана в 1219 г. последний был фактически выведен из политической игры: все сколько-нибудь активные лица старших родовых ветвей неревского боярского рода были истреблены или эмигрировали. Оставшиеся представители старших ветвей полностью отказались от участия в политике, и тем самым остались неизвестными в истории: лишь несколько их

⁶³ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах. С. 79–81.

⁶⁴ Там же. С. 88–91.

⁶⁵ Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 19. 2005.

⁶⁶ См. об этом: Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 52–118.

имён оказались зафиксированы в берестяных грамотах, демонстрировавших их как абсолютно не публичных лиц. Начиная с 1190-х гг., участие в политической жизни от Неревского конца принимала боярская семья Малышевичей, являвшаяся одной из самых младших ветвей общего рода до этого; убитый в 1219 г. глава неревского боярства принадлежал уже к этой семье. Именно от этой семьи произошли позднейшие Мишиничи-Онцифоровичи-Григорьевичи. Родоначальником Мишиничей и Онцифоровичей был старший брат вышеупомянутого Григория Малышевича — Михаил Малышевич (р. до 1180-х гг. — ум. после 1220-х гг.). Именно он был отцом братьев Михаила и Юрия Мишиничей, вернувших неревский боярский род на высшие должностные посты после более чем 80-летнего перерыва.

Эта политическая ситуация находит своё отражение и в приложении к корельским делам. Вспомним, что самое первое письменное упоминание народа корел встречается в берестяной грамоте конца 1060-х гг. Литовцы, упоминаемые врагом корел, были тогда союзниками Всеслава Полоцкого. Последний же, как было показано нами, был союзником неревских бояр в ходе усобиц XI века⁶⁷. Тем самым, связь боярства Людина конца (врагов неревлян) и корел до 1207 года, с одной стороны, и вражда корел с союзниками неревлян, с другой, хорошо коррелируют. После переворота 1207 года та семья из Людина конца, которая, согласно археологическим данным, имела связь с корелами, была полностью устранена из новгородского политикума. Никаких данных о том,

кто имел связи с корелами впоследствии, нет до тех пор, пока археологические данные не свидетельствуют о существовании таких связей у неревских бояр в диапазоне 1240–60-х гг. Существование данных, позволяющих говорить о тяготении корел к боярам Неревского конца задолго до вхождения Корельской земли в состав Новгородского княжества (1270 г.) позволяет, в свою очередь, говорить о том, что в 1270–1478 гг. корельское кормление без перерывов находилось в ведении неревского боярского клана. Однако остаётся открытым вопрос, какая часть неревского боярства сумела обеспечить переход в свой род важной как в политическом, так и в доходном аспектах должности корельского кормленщика?

По нашему мнению, родовая ветка Григорьевичей была на это неспособна. В самом деле, её представители, в отличие от своих старших родичей, Мишиничей-Онцифоровичей, упоминаются в источниках фрагментарно, от случая к случаю. Представители этой ветки довольствуются Корельским кормлением, не претендуя на иные новгородские должности, и в итоге безболезненно отказываются и от кормления. Однако в условиях первой половины XIII в., когда положение неревского боярства было крайне слабым, закрепить столь важную должность за своим родом могла лишь харизматическая личность, существование которой в ветке Григорьевичей не просматривается.

Таким образом, искать того неревского боярина, который первым получил Корельское кормление в 1270 г., а до этого, в 1240–60-х гг., контролировал корел неофициально, следует только в старшей родовой ветви — Мишиничей. И здесь

⁶⁷ *Таланин В.И.* Древнерусская доваряжская аристократия. С. 85–114.

необходимо вновь обратиться к норвежскому источнику 1251 года о посольстве Александра Ярославича *Невского*, князя Новгородского [1228–1229, 1230–1240, 1241–1252, 1257–1259], Переяславль-Залесского [1246–1263], В.К. Киевского [1249–1263], В.К. Владимирского [1252–1263], в Норвегию. Согласно источнику, в 1251 г. «новгородский конунг» Александр послал к норвежскому «конунгу» (королю) Хакону IV [1217–1263] посольство, возглавляемое новгородским «рыцарем Микьялом» (боярином Михаилом). Необходимость этого посольства состояла в том, что к тому времени корелы уже расселились не только в Беломорской Карелии, но и на Кольском полуострове, начав своё проникновение к западу, в земли саамов, которых в те годы контролировала именно Норвегия. Норвежские сборщики дани, не пытаясь отличать саамов от корел, пытались взимать дань с последних, но встретили вооружённый отпор. Из-за этого норвежские чиновники начали стимулировать саамов к войне с корелами. Такая война была опасна, ибо никаких войск Новгород в Беломорье и на Кольском полуострове не держал, что грозило потерей этих территорий. Однако указания, данные князем боярину Михаилу, и отличное, как видится, понимание последним специфики региона вкупе с личными дипломатическими способностями, успокоили ситуацию. Был заключён мирный договор, разграничивший земли саамов и корел, каковой договор впервые в истории закрепил беломорское побережье и Кольский полуостров за Русским государством⁶⁸.

⁶⁸ Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию. С. 115–117.

В истории событий вокруг русско-норвежского договора 1251 г. нельзя оставлять без внимания основную тему нашего исследования: корел. Договор прямо упоминал корел и касался их прямо. При этом необходимо сознавать, что в 1250-х гг. археологические свидетельства о связях Новгорода с корелами уверенно указывают нам на Неревский конец, как место их локализации, и, следовательно, на неревский боярский род, державший эти связи в своих руках. Вместе с тем ещё в работе 1945 г. И.П. Шаскольский предположил, что глава русского посольства — боярин Михаил — якобы был будущим новгородским посадником Михаилом Фёдоровичем [1256–1268]⁶⁹. Авторская аргументация была следующей: 1) родиной посадника Михаила Фёдоровича была Ладога; 2) Ладога — в середине XIII в. была крайним северным городом Новгородской земли; 3) князь назначал главой посольства человека, хорошо знающего дела к северу от Ладоги; 4) таким человеком мог быть только ладожский уроженец. Позднее было установлено, что Михаил Фёдорович относился к боярскому клану новгородского Славенского конца⁷⁰. Любые отождествления «рыцаря Микьяла» (боярина Михаила) с кем-либо из новгородского политикума того времени следует делать только при понимании неревской принадлежности главы посольства 1251 г. Коль скоро, в это время связь Новгорода с корелами чётко фиксируется через неревское боярство, то хорошо разбираться в корельских вопросах мог только неревский боярин. Учитывая имя главы посольства

⁶⁹ Там же С. 117.

⁷⁰ Янин В.Л. 1) Новгородские акты. С. 17; 2) Новгородские посадники. М., 2003. С. 215–219.

1251 г., таким боярином следует признать только Михаила Мишинича. Контекст его летописного упоминания под 1268 годом свидетельствует о его функции главы всего неревского боярства в это время⁷¹. Следовательно, именно он должен был в 1270 г. стать первым корельским кормленщиком. Переход этой должности от него в младшую ветку неревского боярского рода вполне объясним. Он должен был отказаться от кормления либо в 1272, либо в 1273 гг., т.е. по занятии высшей новгородской должности посадника. Младший брат — Юрий Мишинич — не забрал должность себе, поскольку тоже участвовал в «большой политике», не собираясь вместо стремления к руководству всей Новгородской землёй заниматься управлением корел и пограничной охраной. Именно поэтому Корельское кормление было в 1272 или 1273 гг. передано Михаилом Мишиничем своему двоюродному родичу — боярину Григорию, владельцу «усадьбы Е» в 1270-х гг.

Таким образом, можно определить, что ведение корельских дел было поручено неревским боярам не позднее 1240-х гг., что целиком соответствует этой же дате, установленной археологически. Причину передачи корельских дел именно неревлянам, а не любой другой боярской группировке и тем более не боярам Людинового конца (занимавшихся корельскими делами весь XII век до 1207 г.), следует усматривать в особом благоволении к неревлянам со стороны князя Александра. В нашем предыдущем исследовании мы показали, что несмотря на своё фактическое отстранение от высших новгородских постов именно неревляне смог-

ли обеспечить в ходе жёсткой борьбы в первой трети XIII в. верховенство над Новгородом Владимирского великокняжеского дома⁷². Когда в мае 1243 г. в Новгороде скончался тогдашний глава неревского боярства — Вячеслав Прокшинич (тысяцкий в 1228–1229 гг.), летопись отметила, что в его похоронах принимали участие не только игумен Хутынского монастыря, как места упокоения боярина, но и Спиридон, архиеп. Новгородский [1229–1249], вместе с самим князем Александром. Последнее нужно считать беспрецедентным случаем в новгородской истории, поскольку ни одного новгородского боярина, не являвшегося к тому же посадником, ни до, ни после новгородский князь никогда лично не хоронил. Со смертью же сына Вячеслава — боярина Константина Вячеславича в 1247 г. старшая линия неревской семьи Малышевичей пресеклась. Михаил Мишинич как старший представитель младшей линии Малышевичей был двоюродным братом Вячеслава Прокшинича. Князь Александр поручил Михаилу ведение корельских дел явно как одному из своих ближайших опор в Новгороде. Кроме того, это было своего рода наградой, ибо неревлянам было отдано то направление новгородской политики, которое больше века до того находилось в ведении злейшей оппозиции именно неревлянам. Должности корельского кормленщика ещё не существовало, но развитие ситуации не позволяло думать о том, что Новгород выпустил бы корел из-под своего влияния. Договор же 1251 г. закрепил за Новгородом власть над корелями на меж-

⁷¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 220.

⁷² Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия. С. 55–62.

дународном уровне. В «корельском вопросе» того времени сходились интересы Руси, Норвегии, Швеции и Ганзы, поэтому спустя ещё 19 лет Корельская земля была включена в состав Руси, а официальное управление ею поручено тому же человеку, который, собственно, и подготовил быстрое и относительно мирное вхождение корел под русский омофор.

Таким образом, подытоживая наши более ранние исследования в сочетании с впервые высказанными в настоящей работе соображениями, можно составить полный список наследственных корельских кормленщиков новгородской эпохи, успешно охранявших шведско-рус-

ское пограничье на протяжении двух с половиной веков: 1) Михаил Мишинич [1270–1272/1273]; 2) Григорий (отчество неизв.) [1272/1273 – после 1280-х гг.]; 3) Григорий (отчество неизв.) [до 1333 – до 1340-х гг.]; 4) Семён (Григорьевич?) [1330/1340-е гг. – 1351/1352]; 5) Максим Онцифорович [1351/1352 — 1370-е гг.]; 6) Сидор Максимович [1370-е гг. – 1400-е гг.]; 7) Лукьян Онцифорович [1400-е гг. – 1420-е гг.]; 8) Леонтий Лукьянович [1420-е гг. – 1450/60-е гг.]; 9) Лукьян Леонтьевич [1450/60-е гг. — 1478 (продолжал неофициально управлять Корельской землёй под началом московского новгородского наместника до 1499/1500 г.)].

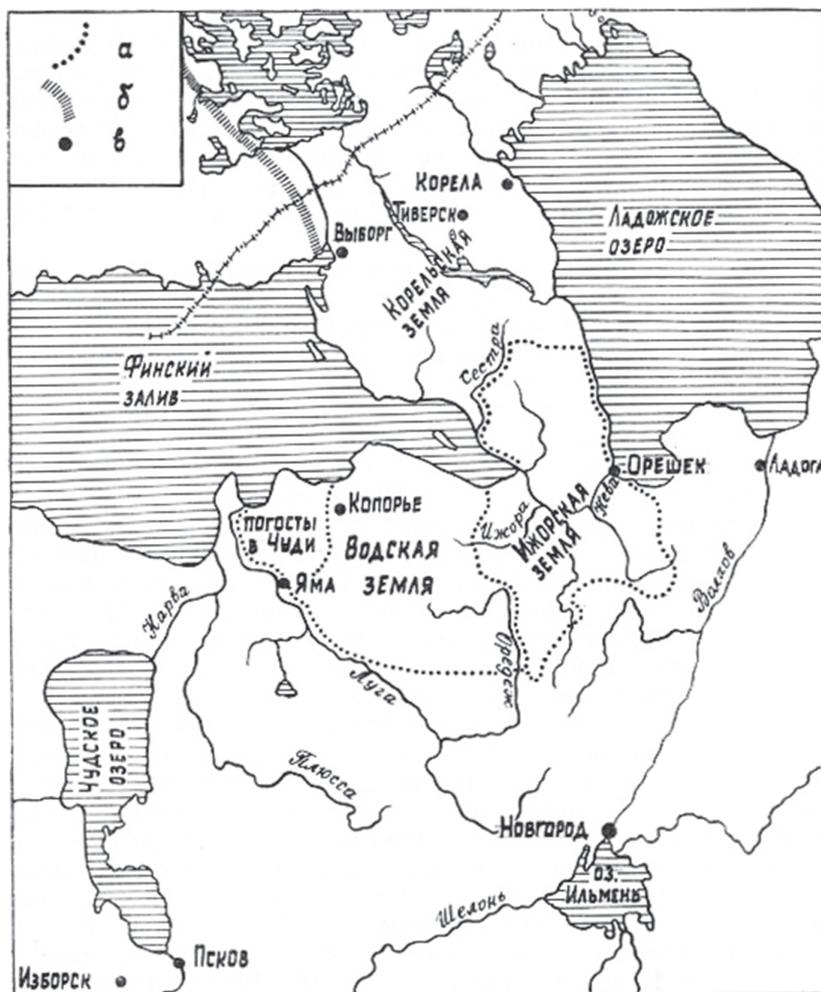

Рис. 1. Финно-угорские территории в составе Новгородской земли: (а) — границы территорий; (б) — западная граница расселения корел; (в) — городские центры XIV в.

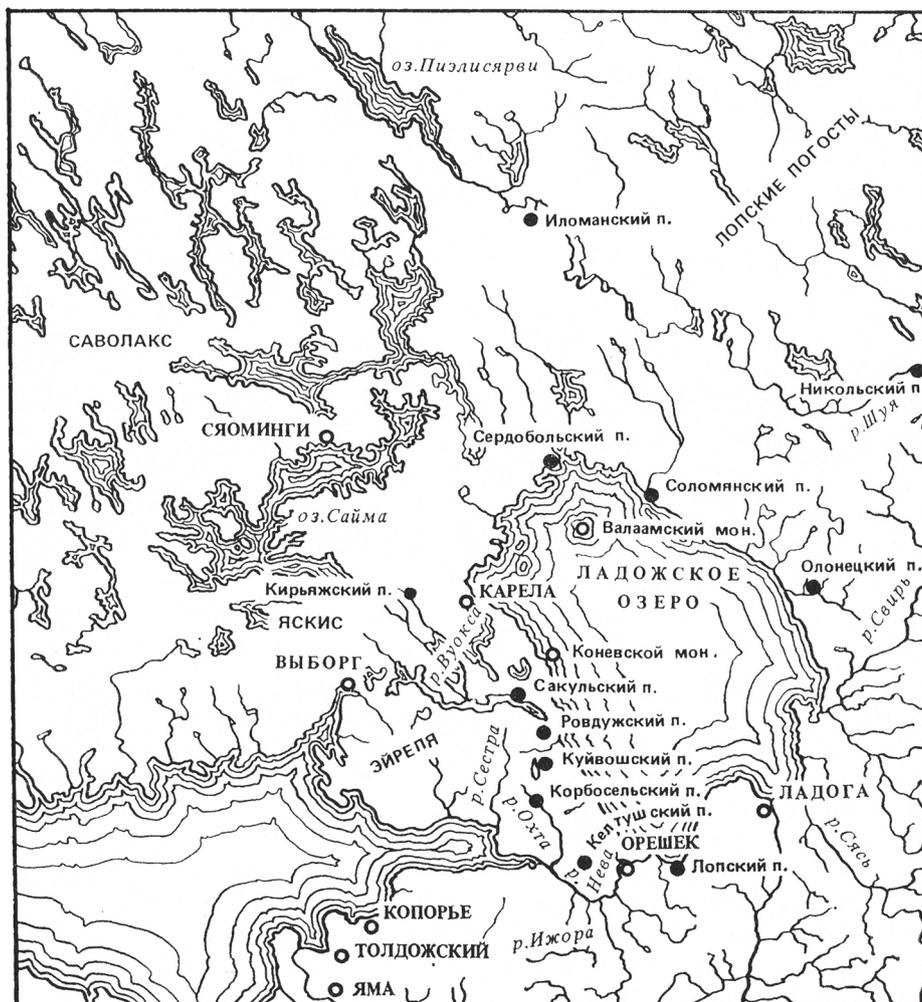

Рис. 2. Корельская земля в XIV–XV вв.

Библиография

Источники:

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.-Л., 1949.

Новгородская первая летопись. М.-Л., 1950.

Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины 1500 года. Вторая половина // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851.

Переписная Окладная книга по Новгороду Водской пятины Корельского городка с уездом 1500 года. // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000

Хроника Эрика / Сост., отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.

Литература:

Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода (Нутный раскоп). М., 1992.

Жуков А.Ю. Наместники Корельской земли (XIV–XV вв.) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы II междунац. конф. Петрозаводск, 2007.

Жуков А.Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008.

Жуков А.Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство (XIII–XVII вв.) // Труды Карельского научного центра РАН. № 2. 2009.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учётом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований) // Советская археология. № 3. 1982.

Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А. Прибалтийско-финские племена в составе Древнерусского государства // Финны в Европе. VI–XV вв. Вып. 2. Л., 1990.

Кирпичников А.Н., Сапков В.М. Крепость Орешек. Л., 1979.

Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990.

Кулишер И. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004.

Медынцева А.А. Письма Григория — тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984.

Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853.

Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. СПб., 1898.

Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы В Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 19. 2005.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993.

Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 3. М., 2006.

Таланин В.И. Древнерусская доваряжская аристократия X–XVI вв. и её потомки: генеалогическое исследование. Запорожье, 2015.

Таланин В.И. К истокам русского военного спецназа // Гуманитарные проблемы военного дела: военно-исторический журнал. № 3(8). 2016.

Таланин В.И. Русская и русско-венгерская знать X–XV вв.: историко-генеалогическое исследование. Запорожье, 2016.

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Чибисов Б.И. «Дети корельские» в контексте этнической истории Северо-Западного Приладожья XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (68). 2017. С. 23–24.

Шаскольский И.П. Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. № 1. 1945.

Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1998.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Сведения об авторе:

Таланин Виталий Игоревич, кандидат физико-математических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой компьютерных наук и инженерии программного обеспечения Запорожского института экономики и информационных технологий (г. Запорожье, Украина). Область научных интересов: генеалогия отдельных фамилий и родов, история средневековой Руси.

E-mail: v.i.talanin@mail.ru

V.I. Talanin

INSTITUTE OF KOREL FEEDING IN THE NOVGOROD ERA

Annotation: the article proposed to the reader's attention is aimed at studying the time of emergence and termination of the Institute of Korel feeding in the Novgorod era, as well as the restoration of the list of Korel feedmen from 1270 to 1478. A detailed analysis of published sources, including archaeological and actual data, based on the previous studies of the author, allows you to make significant additions to the historiography of the issue under study.

Keywords: Korela, feeding, Novgorod independence

References

Sources:

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Documents of Veliky Novgorod and Pskov] / Ed. S.N. Valk. M.; L., 1949. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod First chronicle]. M.; L., 1950. (In Russian).

Perepisnaya obrochnaya kniga Vodskoj pyatiny 1500 goda. Vtoraya polovina [Quit-rent census book of Vodskaya Pyatina of 1500. The second half]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1851. Book 11. (In Russian).

Perepisnaya Okladnaya kniga po Novgorodu Vodskoj pyatiny Korel'skogo gorodka s uezdom 1500 goda [The census Salary book on Novgorod of the vodskaya Pyatina of the Korean town with the County of 1500] // Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. M., 1852. Book 12. (In Russian).

PSRL. T. 4. Novgorodskije i pskovskije letopisi.. SPb., 1848. (In Russian).

Researches:

Gaydukov P.G. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda (Nutnyy raskop). [Slavensky district of medieval Novgorod (Gutny excavation)] M., 1992. (In Russian).

Zhukov A.Yu. Namestniki Korel'skoy zemli (XIV-XV vv.) [The governors of Korel land (XIV-XV centuries.)] // Istoriya i kul'turnoye naslediyе Severnogo Priladozh'ya: vzglyad iz Rossii i Finlyandii. Materialy II mezhdun. konf. Petrozavodsk, 2007. (In Russian).

Zhukov A.Yu. Formirovaniye granits Karelii: krest'yanskoye osvoyeniye territorii i gosudarstvo (XII-XVII vv.) [Formation of the borders of Karelia: peasant development of the territory and the state (XII-XVII centuries)] // Granitsy i kontaktnyye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov. Gumanitarnyye issledovaniya. Vyp. 1. Petrozavodsk, 2008. (In Russian).

Zhukov A.Yu. Traditsionnoe prirodopol'zovanie v prigranichnoj Karelii i gosudarstvo (XIII-XVII vv.) [Traditional nature management in border Karelia and the state (XIII-XVII centuries)] // Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN, no 2, 2009. (In Russian).

Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt [Dialect of ancient Novgorod]. M., 2004. (In Russian).

Kirpichnikov A.N., Ryabinin E.A. Finno-ugorskie plemena v sostave Novgorodskoj zemli (nekotorye itogi novykh issledovaniy) [Finno-Ugric tribes in the Novgorod land (some results of new research)] // Sovetskaya arheologiya, no 3, 1982. (In Russian).

Kirpichnikov A.N., Ryabinin E.A. Pribaltijsko-finskie plemena v sostave Drevnerusskogo gosudarstva [Baltic-Finnish tribes in the old Russian state] // Finny v Evrope. VI-XV centuries, Vol. 2. L., 1990. (In Russian).

Kirpichnikov A.N., Sapkov V.M. Krepost' Oreshek [Fortress Oreshek]. L., 1979. (In Russian).

Kochkurkina S.I. Drevnyaya korela [Ancient Korela]. L., 1982. (In Russian).

Kochkurkina S.I., Spiridonov A.M., Dzhakson T.N. Pis'mennyye izvestiya o karelakh [Written information about Karelians]. Petrozavodsk, 1990 (In Russian).

Kulisher I. Istoriya russkogo narodnogo hozyajstva [History of Russian national economy]. Chelyabinsk, 2004. (In Russian).

Medyntseva A.A. Pis'ma Grigoriya — tiuna boyarskogo (po materialam berestyanykh gramot) [Letters of Gregory the seigniorial tiun (on materials of the birch-bark letters)] // Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda. M., 1984. (In Russian).

Nevolin K.A. O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh v XVI veke [About pyatina and graveyards of Novgorod on XVI century]. SPb., 1853. (In Russian).

Pavlov-Silvansky N.P. Gosudarevy sluzhilye lyudi. [Sovereign serving people]. SPb., 1898. (In Russian).

Talanin V.I. Drevnerusskaya dovaryazhskaya aristokratiya X-XVI vv. i ee potomki: genealogicheskoe issledovanie [Old Russian pre-Volga aristocracy of the X-XVI centuries and its descendants: genealogical research]. Zaporozhye, 2015. (In Russian).

Talanin V.I. K istokam russkogo voyennogo spetsnaza [To the origins of the Russian military special forces]. // Gumanitarnyye problemy voyennogo dela: voyenno-istoricheskiy zhurnal, no 3 (8), 2016. (In Russian).

Talanin V.I. Russkaya i russko-vengerskaya znat' X-XV vv.: istoriko-genealogicheskoye issledovaniye [Russian and Russian-Hungarian nobility of the X-XV centuries: historical and genealogical research]. Zaporozh'ye, 2016. (In Russian).

Chechulin N.D. Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke [Cities of Moscow state in XVI century]. SPb., 1889. (In Russian).

Chibisov B.I. «Deti korel'skie» v kontekste ehtnicheskoy istorii Severo-Zapadnogo Priladozh'ya XV v. ["Korelian children" in the context of the ethnic history of the NorthWestern Ladoga area of the XV century] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki, no 2 (68). 2017. (In Russian).

Shaskol'skij I.P. Posol'stvo Aleksandra Nevskogo v Norvegiyu [Alexander Nevsky Embassy in Norway] // Voprosi istorii, no 1, 1945. (In Russian).

Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskiye gramoty na bereste (iz raskopok 1977-1983 gg.) [Novgorod certificates on birch bark (from the excavations of 1977-1983)]. M., 1986. (In Russian).

Yanin V.L. Novgorodskaya feodal'naya votchina (istoriko-genealogicheskoe issledovanie) [The Novgorod feudal fiefdom (historical and genealogical research)]. M., 1981. (In Russian).

Yanin V.L. Novgorodskie akty XII–XV vv. Hronologicheskij kommentarij [The Novgorod acts of the XII–XV centuries. A Chronological review]. M., 1990. (In Russian).

Yanin V.L. Ya poslal tebe berestu... [I sent you a birch bark...]. M., 1998. (In Russian).

Yanin V.L. Novgorodskie posadniki [The Novgorod posadniks]. M., 2003. (In Russian).

About the author:

Talanin Vitalij I., Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Deputy head of the Department of Computer Science and Software Engineering of Zaporizhzhya Institute of Economics and Information Technology (Zaporozhye, Ukraine).

E-mail: v.i.talanin@mail.ru